

Эмиль Брагинский: Ищем в режиссере союзника

В этот вечер за кулисами жила тревога: что скажет автор? Как отнесется к сценическому варианту пьесы «Притворщики» Эмиль Веньяминович Брагинский, один из ее авторов?

— Внимание. Актерам приготовиться, — будничным, спокойным голос помрежа как бы просит актеров успокоиться.

Автор же тем временем сидит в зале и нервничает не меньше, чем артисты.

Позднее он расскажет:

— Мы с Эльдаром Рязановым давно уже поняли, что в театрах, где идут наши пьесы, в случае удачи авторские чувства в нас как бы засыпают. Сидим, как все зрители, смотрим, получаем удовольствие (пусть это звучит нескромно) и попросту забываем, что сами эту пьесу написали. Но если спектакль не получился, усыпляется в нас зритель, а авторы бодрствуют и ... страдают.

На «Притворщиках» в Таллине я помнил, что имею какое-то отношение к пьесе, быть может, первые пять-десять минут.

— Давайте тогда уточним, что, по-вашему, следует считать удачей или неудачей постановки. Чего вы ждете от театра, от режиссера — точного воспроизведения литературно-оригинала?

— Кажется, вы собираетесь

направить разговор в русло вечной проблемы: автор и режиссер.

— Вы угадали.

— Ну что ж, вы неоригинальны. Как-то приехал я в Мадрас. Меня пригласили там на встречу с индийскими кинодраматургами. И первый вопрос, который там мне задали, сводился к тому же: «Какими, по-вашему, должны быть отношения между драматургом и режиссером?».

— К сожалению, мне не довелось услышать, что вы ответили своим мадрасским коллегам. Быть может, согласитесь повториться?

— Будем говорить о театре или о кино?

— Если можно, о том и о другом, если в этих разных жанрах искусства существует принципиальная разница в «освоении» литературного оригинала.

— Принципиальная разница? Не знаю. Скорее «коли-

чественная». Одну и ту же пьесу могут поставить несколько (даже много) театров, и каждый режиссер читает ее по-своему. В кино по сценарию создается одна лента. Стало быть, существует единственный вариант прочтения.

— Ну, в кино у вас лично, думаю, все в порядке: вы с режиссером Эльдаром Рязановым соавторы и абсолютные единомышленники?

— Так точно. В театре же... Вы видели наших «Служивцев» в Ленинградском театре комедии?

— Нет, не довелось. Но слышала, что спектакль любопытный.

— Да, пресса была к нему благожелательна, зрители вроде бы тоже. Но... нам с Рязановым спектакль активно не нравится. Попробую объяснить, почему. В нашей пьесе — шесть действующих лиц, в спектакле — двенадцать. Каждый персонаж имеет своего «двойника». Первый состав играет на переднем плане, второй — на заднем, беззвучно. Иногда, как в хоккее, составы «команды» меняются местами. Как нам объяснили, режиссер-

ский прием должен был подчеркнуть: происходящее на сцене — не частный случай, а явление. Но нам почему-то казалось, что обобщение было заложено уже в пьесе, а формальный режиссерский ход привел лишь к тому, что составы «команды» мешали друг другу на сцене, создавали малопонятную путаницу, в которой безнадежно увязли и действие, и мысль.

Я привел этот пример лишь для того, чтобы оговорить: не всегда «соавторство» театрального режиссера воспринимаем мы с радостью. Но подчеркнуть хочу другое: как в театре, так и в кино режиссер должен быть полноправным соавтором драматурга, должен окрасить своей индивидуальностью пьесу или сценарий. Но при условии, что это соавторство не противоречит оригиналу, а осмысливает и развивает его. Моя позиция ясна?

— Вполне. Так, может, с этой позицией и вернемся к «Притворщикам» в нашем русском драматическом театре?

— Охотно. Так вот, пона-

чалу был несколько озадачен интермедией, которой нет в пьесе, но с которой начинается спектакль... в фойе. (Интермедия продолжается и в антракте).

Однако настороженность скоро прошла, и я принял этот режиссерский «довесок» к пьесе безоговорочно. Молодец Черменев! Коль скоро действие происходит на киностудии, пусть будет еще одна съемочная группа — из другой картины. Она введена в спектакль органично, с мягким юмором. Придуманная Черменевым интермедия работает на создание общей атмосферы, не вторгаясь при этом в основное действие, не разрушая пьесу. Словом, мне это понравилось, как и многое другое, привнесенное в пьесу нашим соавтором-режиссером.

Еще важнее, что Черменев умеет сочетать смешное и грустное. Нашей комедии это необходимо, как воздух.

Я успел посмотреть в театре не только «Притворщиков», но еще и «Трамвай

ИНТЕРВЬЮ «СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ»

«Желание» Теннесси Уильямса, и «Обратный адрес» А. Алексина. По-моему, темпераментная, острая режиссура Виталия Черменева должна нравиться авторам. Вот закончим новую пьесу с Рязановым и обязательно отдадим ее в ваш театр, режиссеру Виталию Черменеву.

— Быть может, расскажете немного об этой новой пьесе?

— Пожалуй, пока не стоит.

— Ну, тогда о съемках «Служивцев»?

— Фильм будет называться «Служебный роман». Съемки практически закончены. Думается, что удача ждет многих исполнителей: Олега Басилашвили, Светлану Немоляеву, Лию Ахиджанову, Людмилу Иванову. И позволю себе заметить, что, кажется, именно в этом фильме появится первая яркая работа в кино замечательной артистки театра Алисы Фрейндлих. Она играет в «Служебном романе» главную роль. Ее партнер — А. Мягков. Режиссер Эльдар

Рязанов на сей раз подарил ему... усы, чтобы не так уж походил на своего героя из «Иронии судьбы».

— А «Притворщики» будут экранизированы?

— Ни в коем случае! «Служивцы» — вторая и последняя наша пьеса, по которой снимается фильм.

— Почему?

— Так мы решили с Эльдаром Рязановым: пьесы — для театра, сценарии — для кино.

— А что для телевидения?

— Сейчас режиссер Петр Фоменко делает телевизионный фильм по моему сценарию «Почти смешная история».

— И о чем же эта почти смешная история?

— О любви двух уже молодых людей.

— Видите: вот мы и сблизись с темой АВТОР-РЕЖИССЕР. Может, все-таки вернемся к ней?

— В следующий приезд. Очень уж у меня сейчас со временем туго. Одно только скажу еще: не люблю режиссеров, которых не видно в спектакле, но и тех не жалую, кто «под себя» подминает спектакль. Мы с Рязановым очень любим артистов и тех режиссеров, которые любят артистов.

— До встречи на постановке вашей новой пьесы в Таллине.

С. СТАВИЦКАЯ.